

Владимир Мищенко

Из списков части исключён

16+

Владимир Мищенко

Из списков части исключён

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Мищенко В.

Из списков части исключён / В. Мищенко — «ЛитРес:
Самиздат», 2005

В фэнтези встречи с феями, эльфами, гоблинами, "зелёными беретами", падение в "прошлую" жизнь - это нормально. Только у разных героев это бывает по-своему и в своей очерёдности.

Все имена и фамилии автором умышленно изменены. Все случаи совпадения – результат простой случайности и к вам никакого отношения не имеет

Все-таки, как здорово, когда тебе не нужно ходить на работу. Нет, не в выходной. Выходной – тоже хорошо. Но это еще круче, и эта крутизна называется пенсия. Да, да, именно та самая пенсия, о которой мечтает вся молодежь, и о которой так сожалеют старики. Но я еще молод (душой), а уже на пенсии. Никаких звонков или посыльных с работы, гори огнем все прошлые заботы и нервытрепки. Свобода. Это сладкое слово свобода. А, если у тебя еще и дача, и лето, и ты один на даче?! И никто не мешает, не зудит под ухом. Сказка. Человеку иногда нужно побыть одному. Некоторые уходят в пустыни, в степи на годы и становятся святыми, но мне этого не надо. Неделька – две и достаточно. Я городской житель и без пороков города – городского шума, загазованных улиц, телевизора и тому подобных вещей, которые губят мой молодой растущий организм, я не могу. Но сейчас только первые денечки моего пенсионно – дачного рая. Обывателю, у которого никогда не было дачи, может показаться, что все дни на даче одинаковые и там тоска серая, и добровольная каторга. Раньше и я так думал. Но тогда я был подобен “чайнику” на автотрассе. А сейчас я садовод со стажем, знающий, что такое пропалывать картошечку на солнышке или, что такое из ведерка полить сотню кустов томатов. Но не это же главное на даче. Да, разумеется, день у дачника, как и у любого цивилизованного человека, начинается одинаково: встал, умылся, если есть сила воли – холодный душ, почистил зубы, побрился, поел. Дальше, пока утро и еще не жарко, тоже стандартный режим дня, но уже садовода: впустил грядки и полил, хоть где-нибудь и как-нибудь, отдавая предпочтение где-нибудь перед как-нибудь. Но это, если у вас централизованный полив, а, если у вас председатель хапуга из бывших замполитов, и все ваши деньги и трубы пустил на улучшение собственного эго, то поливать вам все кустики и грядочки ведерочком и отдавать предпочтение чаще будете как-нибудь и сколько-нибудь, чем вообще ничего. Но и это тоже не главное. Вы только представьте себе: раннее утро, вы лежите в постели на даче, сквозь закрытые веки вы ощущаете, как нежные солнечные лучи наполняют вашу комнату до самого верха и выплескиваются наружу, даря радость другим комнатам, чердаку и крыше. За окном щебечут, воркуют и поют птицы. По всему телу идет истома уставшего от отдыха тела. Это разве не чудо! Это же сказка. Да, представьте себе, что на даче дачники живут в сказке. Но это надо понять, увидеть. К сожалению, есть люди, которые не способны это сделать, а, может, не пробовали. И мне жаль их. Иногда только одна мысль, один миг могут изменить нашу жизнь. Но очень часто мы не умеем понять того, что этот миг – тот самый Миг с большой буквы, который может изменить нашу жизнь. И тогда судьба своей жесткой рукой берет нас за руку и поворачивает круто в сторону. Все – проехали. Ты не воспользовался шансом, который тебе был дан Богом. Ты не заметил его или не захотел заметить его. Потом через много лет, может быть, ты и найдешь в себе силы обернуться и, может, даже пожалеешь о чем-нибудь, но близкий локоток ты все равно не укусишь. Тебе будет и грустно, и обидно. Но обижайся только на себя и не вини в этом другого. Мы все пришли в этот мир одинаковым путем и с одинаковыми возможностями. Есть возможность наслаждаться – наслаждайся, есть возможность ухватить удачу за хвост – хватай, не раздумывай. Рискуй. “Кто не рискует, тот не пьет шампанского”. И мы все понимаем, что это имеется в виду не только в буквальном смысле. Часто, беседуя с пожилыми людьми, я слышал от них то, что чувствую сам – я не ощущаю свой возраст, свои года. В обстановке не требующей строгости и чопорности, я смотрю на мир широко открытыми глазами, если не ребенка, то юноши. А на даче это можно делать достаточно свободно, если не все время, тем более что живешь один. И только выпуская на свободу свое второе молодое, юное Я, вы будете счаст-

ливы. Если вы до сих пор были закомплексованы, и ни разу так не делали – сделайте. Лучше один раз почувствовать самому, чем десять раз прочитать. Понятное дело, что я предлагаю почувствовать и так далее, только хорошее, только от Бога и не надо здесь “передергивать”. Я встал с постели с чувством эйфории, сравнимую с легким опьянением шампанским. Есть не хотелось. Хотелось немного подвигаться, полакомиться свежей с куста ягодой. Натянул на себя старые армейские брюки навывпуск, привычную зеленую военную рубашку и пятилетней давности, но еще крепкие, форменные туфли. Надо отдать должное, что ОТК на фабриках, где шьют одежду для военных, не зря получает свою зарплату.

– “Как прекрасен этот мир, посмотри ...”. – Да, хороший хит моей молодости был. А почему был? Сейчас многие возвращаются к песням моей молодости. Не могу сказать, что сейчас все песни плохие, бестолковые и глупые. Нет и еще раз нет. Крутой, Игорь Николаев – даже они чего стоят. Вот то – то же. А все равно тянет туда, назад. Прямо, как в том фильме “Назад в будущее”. Много ли человеку для счастья надо? Да совсем чуть-чуть. И вот сейчас я иду по саду – огороду и ничего страшного, что сразу после огурчика – корнешончика в рот просится клубничка, а за ней – крохотуля помидорчик. А вот за забором пробежал молодой сосед – стобаксовый щенок, а за ним с чувством собственного достоинства, прошествовал, наслаждаясь жизнью, и его хозяин. Хозяин щенка и дачи поблизости.

– С добрым утречком! Как настроение? – радостно приветствую я его. Вообще мне со всеми соседями повезло.

– С добрым утром! А утро действительно великолепное, только ветер что-то подул какой-то нехороший. Ну, явно не вписывается в это утро.

– Это, наверное, потому, что все познается в сравнении. А вы далеко собрались?

– Да собаку выгулять нужно. Я с ней каждый день три-четыре километра гуляю. Это же охотничья.

– Да я вижу. Хороша!

– Если хочешь...

– Хочу. Я мигом. – Походить, побродить – это как раз то, чего мне и не хватало. Тем более, в обществе приятного мне человека. Закрыв дверь дачи, я вышел на улицу. Не спеша прогулялись до конца улицы, свернули в сторону колхозных полей, которые уже зеленели озимыми.

– Далеко пойдём?

– Как раз вдоль оврага к тому леску, потом – к озеру и домой.

– Отлично. А то я кваканье лягушек слышу, а самому дойти туда лень.

– Ну и зря. Я туда часто хожу. Там рыба неплохо клюет.

– Так там и рыба есть?

– Ну, рыбаки ее рыбой не назовут. Иногда даже с ладошку поймашь.

– А остальные? Они, что все больше ладошки?

– Хм. Хорошо бы было. Ты посмотри, по полю как – будто рота солдат прошла.

Действительно, было ощущение, что нашу дорогу, собственно, наша “дорога” была прямо по наливающимся соком озимым растениям, пересекала вытоптанная полоса шириной метров в пять. Я огляделся. Эта полоса начиналась или, вернее, терялась справа в лесочке и слева – в недалеком овражке, поросшем лесом и кустарником. Щенок бегал по этой полосе, принохивался и о чем-то лаял. Я говорю “о чем-то”, потому как надеюсь, что люди когда-нибудь поумнеют и смогут понимать, о чем с ними говорят животные. Весь мир создан для человека, и мы не имеем права не понимать тех, кто создан служить и помогать нам. Я наклонился к земле, так как солдатские сапоги должны оставлять глубокие следы, а кому, как не им ходить здесь строем. Садоводы протоптали себе тропинку в стороне. Они все практичные люди. Особо, когда тащат на себе два пуда урожая до электрички. Приглядевшись, я действительно увидел следы каблучков, а кое-где и обуви целиком. Но дело было в том, что средняя длина отпечатков была около пяти – восьми сантиметров. Да, да! Именно так! А один каблук так вообще

около одного сантиметра! То есть владельцы этой обуви были ростом до моего колена плюс – минус пять сантиметров. Фантастика! Когда я поднял голову, сосед был уже метрах в десяти и ждал меня.

– Я чуточку задержусь. Только посмотрю, куда они в овраг пошли и догоню вас. Идите. Я быстро догоню.

Сосед как-то махнул рукой: то ли соглашался, то ли удивился, но повернулся и пошел дальше. А я пошел по проторенной дорожке в прямом смысле этого слова. Чуть дальше что-то привлекло мое внимание.

– А что это здесь беленькое чернеется?– Я иногда люблю поговорить сам с собою. Есть общительные люди, которые не могут жить без общества. Есть те, кому просто необходимо иногда побыть одному. И как раз такие люди иногда и говорят сами с собою. У них это не признак сумасшествия, а способ общаться с имеющимся на данный момент обществом. Ну и что, что это собственное “эго“. Но, возвращаясь к нашей теме, в траве лежал маленький колпак с крохотульками колокольчиками. Я попробовал всунуть в него кулак и смог это сделать в натяг.

– Мистер клоун – мальчик с пальчик? Это реальное подтверждение того, что есть. Ибо, что есть, то есть, а что было, то уже прошло. Логично. Но, судя по качеству этих колокольчиков, звонарных дел мастера у них продвинутые. Ах, как звучат! Повешу на двери. Будет лучше всяких фен-шуевских трубочек.

Я сунул колпак в карман рубашки и пошел дальше. Погода заметно улучшилась. При чем довольно быстро: утих ветер, солнышко стало ласковым. Ощущение легкой грусти, как будто что-то потерял или забыл, прошло. Наконец я подошел к склону оврага. Нижние ветви деревьев и кустарник были явно срезаны ножами, чтобы не мешали спускаться. Уж лучше бы они были повыше ростом. Ничего не поделаешь: назвался груздем – иди в лесок. Я и пошел, вернее, поскользился – побежал, естественно, не успевая увернуться от бьющих по лицу веток. Немного отдышался внизу и снова вперед, в смысле вверх. Откосы оврага крутые, но подниматься проще, так как ветки уже помогают. Если за них не держаться, убежишь вниз моментально. Люди на Эверест восходили, а я, что, хуже что ли. Итак, я на верху.

– Вах, вай мэй, матка боска, мама миа! Что это! – небольшая поляна, размером с мою квартиру, оказалась полем брани или, вернее, побоища. По всему полю, за исключением небольшой полосы, выходящей на колхозную проселочную дорогу, огибающую поле, лежали маленькие человечки. Я огляделся и понял, что здесь произошло. Когда по полю шел отряд, за которым последовал я, его, очевидно, засекли разведчики противника и устроили засаду с этой стороны оврага. Собственно, догадаться, что воины из оврага придут сюда, было не трудно, так как сбоку поляны бил источник, ручеек которого буквально в двух шагах терялся в траве. Тем не менее, кто-то из садоводов нашел его, так как рядышком на дощечке стоял граненый стакан. Таких сейчас в магазинах не найти. Утомленные переходом солдаты пришли на водопой, где и нарвались на стрелы врага. Человечков пятнадцать, если не больше, даже не успели вынуть мечей их ножен. Дальше все шло по отработанной веками схеме – рубка не на жизнь, а на смерть. Я, как военный, хоть и в запасе, план оценил и одобрил. Хороший командир всегда бережет своих солдат, тем более эти шли, то есть были захватчиками. Хотя... судя по одежде противников, я бы подумал, что это отряд Степана Разина пошел войной на римскую центурию, то есть роту по-нашему. Я думаю, вы меня понимаете. Нет? Тогда поясню. Мой отряд, это выражение, естественно, образное, был одет, как крестьяне в сюртуки, пиджаки, брюки – штаны. Да и те кое у кого заплатаанные. Зато их противники – это явно профессиональное войско: шлема, плащи, нагрудники. Ну, точь в точь римские легионеры. Да и вооружение у них лучше. По крайней мере, ни у кого нет молотов и дубин, как у моих. Ну, вы понимаете у кого. Но неужели они все погибли? Куда же увезли раненых? Я начал внимательно осматривать поле брани. Оказывается, раненые были. Причем с обеих сторон. Но, видимо, они испугались

и претворились мертвыми. Я их испугал еще больше, чем вражеский отряд. Бедняги, у них ведь рубленные и колотые раны, а это так больно, и они истекают кровью. Надо как можно быстрее оказать им первую медицинскую помощь. Я решил их сначала рассортировать, то есть отделить раненых от убитых. Поэтому стал челноком ходить по полю, выискивая живых. Разумеется, я всех складывал рядышком – какая мне разница. Собственно, они тоже не возражали. По крайней мере, не дрались. Может, у них уже сил больше не было. У некоторых были сильные кровотечения, поэтому я останавливал у них кровь в первую очередь. Благо у меня под рубашкой была белая маячка, и имелись хорошо отточенные мечи, чуть не сказал перочинные ножи. Последними двумя лямками от майки перетянул еще двум перерубленные, хорошо хоть не до конца, руки. С остальными было проще: оттащил к ручью, промыл рану, приложил листок подорожника и, если была необходимость, привязал его стебельком “березки” – выюна. Надо сказать, моя больная радикулитно – остеохондрозная поясница к таким экстремальным садовым мероприятиям не привыкла. Поясницу пробивало “током” так, что я даже стал хромать на правую ногу. А куда денешься с подводной лодки? Бросишь этих малышей, тем более у некоторых из них бороды, то есть возраст будет покрупче моего? Вот так-то. Перевязал, уложил. Так ведь им же, наверняка, пить хочется! Интересно, а они хоть по-русски кумекают? Ведь ни одного слова не произнесли, пока перевязывал. Только стонали и то в пределах разумного. Не то, что я на операционном столе в свое время. Да не обо мне речь. Напоил. Случайно обратил внимание на солнышко. Ой-ты, где же ты и как высоко. Сколько же времени я здесь за медбрата работаю? Смотрю, кто полегче раненые на ноги пытаются встать, но при этом “косо” смотрят на своих врагов. Не хватало еще разнимать их. Пришлось “крестьян” оттащить на другую сторону поляны. Вроде бы они шли воевать, и больше виноваты в произошедшем. Да кто их знает: кто прав, а кто виноват. Мне их разборки не нужны. Только положил последнего в тень под кустик, так понял, что шум, который был до этого, скажем так, “за кадром”, докатился до меня и затих. Я обернулся. А вот и они. Действие второе. Лица те же плюс гости. Да сколько же вас. С моего места был хорошо виден выход с поляны на дорогу и дальше на колхозное поле. Теперь уже и на этом была видна вытоптанная полоса, уходящая в сторону далекой рощи. А на входе на поляну стоял отряд спасателей 9-1-1. Это я шучу, сами понимаете. Но, тем не менее, впереди с обнаженными мечами стояло человек десять – двенадцать плюс пять лучников. У большинства солдат были обычные плащи и не особо накрученные, в смысле красоты и узоров, доспехи. Но у двух из них – это да. Изображения, выдавленные на кирасах, были украшены еще зелеными и красными камушками. Наверняка офицеры и не простые. Такие штучки на них круто стоят. Интересно, а если их у нас толкнуть? Много дадут? Если догонят, конечно. Короткая команда и лучники вскинули луки и изготовились к стрельбе. Даже, если бы я и был ниндзя, то одну стрелу я, так и быть, поймаю зубами, как это модно у них. Две поймаю руками. А дальше? А остальные? Бежать? Вроде бы неудобно. Даже стыдно. А главное, я со страху не смогу развить такую скорость, чтобы убежать от стелы. Но есть Бог на свете. Сразу же от ручейка раздался крик, и наконечники стрел слегка наклонились к земле. Я оглянулся, ища глазами своего защитника. Оказывается я спас офицера и на нем не менее крутая одежонка. Хоть в этом повезло. Хоть они немного и поругались, но я надеялся на элементарное чувство благодарности. Тем более, судя по их виду, они относились к сословию типа наших дворян. Должна же быть и у них честь и совесть, в конце концов. А то они слишком долго ругаются. Хотя и оппонента тоже можно понять: солдаты всегда были “пушечным мясом”, чего их жалеть. А вот раскрывать тайну маленьких человечков нельзя. Но и умирать-то тоже не хочется, я ведь только на пенсию вышел, я еще как человек пожить не успел – все служба да служба. А теперь, как в плен к Бен-Ладену попал: увидел его лицо после пластической операции и за это погибнуть должен. Обидно. Не зря говорят: любопытство не порок. И кто меня потянул сюда, идиота? Вай, слава Богу, мой адвокат победил. Тот побурчал – побурчал и успокоился, зараза. А ведь чуть не убил меня. Солдаты расступились и из-за них

показались тележки – подводы, которые тащили люди. А лошадей крохатулек у них нет. Хоть зайчиков приручили хотя бы, бедняги. А может оно и выгодней, если использовать в качестве лошадей солдат: они и тащат, и грузят, и охраняют. Вон сразу, сколько удобств, и это еще не все. Солдатики – лошадки быстро погрузили раненых на телеги, и колонна отправилась в обратный путь. Хорошо хоть, что я пока таскал раненых, успел засунуть за пазуху пару щитов покрасивее да несколько мечей. Жаль, что не все оказались с ножнами: во-первых, ножны красивы сами по себе, а, во-вторых, обнаженные лезвия проткнули мои карманы и больно колют ноги. Ко мне подвели раненого офицера. Он говорил мне какие-то слова, судя по тону – благодарил. Смотреть под ноги мне было неудобно, и ему, пожалуй, тоже. Поэтому я опустил на одно колено (не на оба же вставать, как слуга перед помещиком), хотя из-за больной спины мне ужасно хотелось встать на оба колена и выгнуть – растянуть позвоночник. Но... Мерзни, но форс держи. Так-то! Когда колонна удалилась, я осмотрел то, что осталось на мое попечение. Прислушался. Увы, никаких шумов со стороны оврага, к сожалению, не было. А это значит, что тащить этих оставшихся раненых мне. И тащить через овраг. Овраг! И далее до той далекой рощи, а может и еще дальше. С чего я взял, что они живут именно в этой роще, хотя она для них, может быть, кажется и лесом. Но делать нечего. Я со стакана еще раз напоил всех и начал перетаскивать через овраг. Девять человек – тяжелых, в смысле тяжелораненых. Их пришлось на руках, как лялек, остороженько переносить. Да еще и хромая на одну ногу. Да еще постоянно получая уколы мечами в карманах. О, ужас! Хорошо хоть в армии мне постоянно вдальб-ливали в голову, что я должен стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы. Но это же не моя война. Я вообще посторонний. К тому же идиот. Зачем я сюда потащился. На легкораненых у меня терпения не хватило. Их я брал по две штуки, то есть по два человека и таскал. Как я упарился, лучше не вспоминать. Перенеся последнего, я просто упал на траву и лежал без движения не знаю сколько времени. Кто бы знал, как мне не хотелось вставать! Но я поднялся. Что же мне с вами карапузами делать. Вас вон сколько, а я один. Сколько же рейсов мне надо сделать, чтобы пойти не знаю куда. А это что черненькое белеется? Я подошел к куче травы и достал из-под нее рулончик рубероида. Местами рваный, но это не главное. Чудесная волокуша. Уложил тяжеленьких да пара молоденьких ребят – подранков поместилась. Остальные воины поковыляли следом. Метров на двадцать меня хватило. Пахота, да и они, если в куче, тяжеловатые. Теперь – в смысле веса. А вы думаете, рубероид тащить удобно? Это вам не чемодан с ручками и не рюкзак тем более. Я шел, как зомби. Иногда падал, но чаще останавливался сам отдыхать. Благо дорогу не надо искать – иди и иди по вытоптанному, как по рельсам. Хотя, не удачное сравнение. И как в тех сказках: долго ли шел, быстро ли – не знаю, но все-таки, подняв однажды голову, увидел перед собой мужичков – карапузов. Да простят они меня, если случайно прочитают эти строки. Хотя, навряд ли. Навряд ли, что? Навряд ли простят или навряд ли прочитают? Сначала я подумал и даже удивился, как это раненые меня успели обогнать. Потом увидел, что эти мужички без моих повязок. Слава Богу! Теперь я могу избавиться от моей добровольной ноши и убежать домой. Если бы я мог, может и побежал бы, но мне и стоять-то тяжело было. Ко мне подошел один из бородачей и что-то сказал. Я, естественно, ничего не понял.

– Слышь, братан, – Я пальцем показал на рот и только потом сообразил, что так отвечают немые на вопрос к ним, – я все равно ничего не понимаю. Ты, главное, забери их у меня. И все. А мне домой надо. Хорошо?

Я не знаю, понял он меня или нет, но что-то сказал своим попутчикам. Трое из них достали из сумок бинтики, скляночки и принялись обрабатывать раны.

– Ну, славненько. – Только и смог произнести я, кивнув, побрел домой, в смысле прямо по полю напрямик в сторону дачи. Да здесь же километра полтора, как пить дать, да еще обходить по улице. Матка боска, как я устал. Мой уставший организм переключил какое-то внутреннее реле, потому как я дальше шел, как зомби, то есть в прострации, не замечая ни расстояния,

ни времени. Очнулся только у соседской дачи от лая собаки. Огляделся. Соседа вроде бы не видно. Интересно, что бы я ему сейчас сказал, увидь он меня: рубашка рваная, расстегнута, в кровавых пятнах; грудь исцарапана ветвями до крови. По-моему я смог “просочиться” до своей дачи незаметно. Наконец-то я лежу на кровати. Нет никаких сил постелить постель. А, нехай с ней, так посплю. Только пораненные ноги немного не хорошо “горят”. Там же остатки чужой крови, а это инфекция и прочая гадость. Надо встать промыть ноги и тело обтереть водой. Вот только секундочку полежу и встану. Только секундочку и все. Да, все. Через пол секунды я уже спал.

Как приятно солнышко щекочет нос. Но я уже проснулся, хотя мне все равно хочется спать. А почему я тогда проснулся? Да, точно, я услышал шелчок, и он разбудил меня. Наверное, кто-то из соседей дернулся в закрытую дверь и не стал меня тревожить. Хорошо, что я вчера закрыл за собою дверь. А, что было вчера? Но не успел я вспомнить, что же было со мной вчера, как услышал шаги, и дверь в комнату открылась. Честное слово – я испугался. Я точно был уверен, что входная дверь закрыта! В таких случаях говорят: секунды казались часами. Но вот над спинкой кровати, ... Кстати, моя кровать стоит у стены рядом с дверью, и я сплю ногами к двери. А на спинке в ногах у меня обычно висит полотенце для просушки. И вот над спинкой кровати, в аккурат по верхней горизонтальной душке, “поплыл” самый настоящий цилиндр. Цилиндр – это такой головной убор. Его при царе носили. А вот по размеру он был – крохотулечка. Как раз его размеры меня и успокоили, так как я моментально все вспомнил. За доли секунды моя память прокрутила у меня в голове кадры, как в немом кино. Поэтому, когда я увидел гостя, мои глаза уже не источали страх, а в них можно было увидеть, я надеюсь, любопытство и интерес.

– Вы проснулись, сударь? – спросил вежливо он меня.

– Ну, прям Алеша Чехонтэ. – Мысленно подумал я. Хотя, почему я тогда так подумал, не пойму до сих пор, так как абсолютно никакого сходства между этим маленьким старичком и великим русским писателем не было.

– Вы не ожидали меня увидеть?

– Если честно – нет. Я заснул и все забыл, пока вас не увидел.

– В этом и мы вам помогли.

– В смысле?

Он ничего не ответил, только посмотрел мне в глаза, слегка приподнял вверх правую бровь, чуть склонил вправо голову и улыбнулся. Выдержав паузу, он сказал:

– Сейчас вам принесут покушать, а чуть позже я вновь посету вас, так что вы не пугайтесь больше.

Вот те на! Конспиратор называется. Может у меня от страха челюсть отвисла, а я забыл ее вернуть на место? Как же он догадался? Может он и не зря намекнул, что они мне помогли забыть. А может он колдун?! Но, если бы у меня болело тело, то я бы все равно вспомнил. Я откинул простынку и немного обалдел. Почти все мое тело было перебинтовано узенькими бинтиками, а из-под них сочился нежный, удивительно приятный аромат. Амброзия! Почему мне в голову пришло это слово, я тоже не знал, так как и до сих пор, толком не знаю, что оно обозначает. Но почему я ничего не помню?! Меня не могли усыпить, так как я ничего не ел и не пил. “Да, многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам”. И Гамлет был прав, и я, возможно, сошел с ума. Сильно ущипнув себя, я понял – это не сон, а, к сожалению, явь. А почему к сожалению? Да, вчера я рискнул и пошел, но пошел не по банальной жизненной дороге, а чуть в сторону. Стоп! Если перевести слово “грех” на русский, – “в сторону”. Так что, я согрешил, пойдя в овраг и вмешавшись в жизнь народа, живущего параллельно с нами на этой земле? А может быть и да. Но я же не сделал ничего плохого! Я только помог раненым. Но я же стал и носителем информации о них. И рано или поздно не выдержу и расскажу о них, как

те дети, что сфотографировали фей. Если меня не станет, ситуация разрешится сама собой. У людей останутся свои проблемы – нераскрытое убийство, но не прибавится других. И у других проблем не будет. Все просто. Но они же заплатили мне добром – перевязали. Опять это “но”. Однажды и Джеку поверили в волшебной стране, а чем все закончилось! Я так не хочу. Но в тоже время я не хочу идти и топиться в тазике с водой. Тем более они наверняка посоветовались, прежде чем его послать сюда. Кстати, а как он меня ворочал? Я хоть и худой, а он покрепче и повыше остальных, но все равно я для него слишком тяжел. А может он не один здесь? И все-таки они умеют читать наши мысли, потому что только я успел это подумать, как вновь открылась дверь. В щели между полотенцем и стеной мелькнула фигурка, а за ней и еще одна.

– Здравствуйте, господин.– Ласково проговорила туманная пустота. Да, да. Именно такая ассоциация пришла сначала мне в голову, когда я впервые посмотрел на них. Яркое безоблачное солнечное утро заливало светом всю комнату, и в этих лучах мои гости были практически не видимы. Нет, не потому, что их родители не кормили, и они были такими худыми. Просто их золотистая одежда удивительным образом отражала свет, что об их присутствии можно было догадаться только по двум продолговатым светлым пятнам на обоях стены. Они сделали пару шагов ко мне. Угол освещения солнцем изменился, и я увидел их. Это были две крохотульки сантиметром по тридцать, максимум около сорока. Понятное дело – я не мог измерить их сантиметром. Русые, точнее золотистые волосы были убраны под красивую диадему, если я правильно разбираюсь в женских украшениях. Моя фамилия не Юдашкин и не Зайцев, поэтому я не стану описывать их одежду, хотя посмотреть на нее стоит – красиво. О цвете одежды я уже сказал. На лицо они были очень похожи, но что-то неуловимое помогало их различать.

– Здравствуйте, господин. – Еще раз поздоровались они.

– О, здравствуйте, здравствуйте,– торопливо ответил я.– просто я не ожидал вас увидеть и, честно говоря, несколько растерялся, не сразу ответил.

– Ничего удивительного. Вы не первый, кто удивляется нам.

– Так были и другие? Интересно и много?

– Как говорите вы – биг футы, земля маленькая и здесь неминуемы наши встречи, переkreщивание интересов.

– Но, что-то за столько лет я не слышал о вас ни от кого, ни по телевизору. Извините, но под биг футами вы имели в виду “снежных людей“ или нас – человекoв?

– А разве у вас не большие ноги, по сравнению с нашими? А разве вас – людей с большими ногами не надо бояться, когда вы приходите в лес и разоряете норы, гнезда и другие места, в том числе и те, где живем и которыми пользуемся мы.

– Мы – это кто?

– Мы – такие же, как и вы, жители земли. Но, чтобы вам не забивать голову, называйте нас феями или эльфами.

– Но ведь феи имеют крылышки, и они летают.

– Тогда называйте эльфами. Вам привычно это слово?

– Да. Конечно.

– Вот и чудненько.

– Но мне кажется, что мужчина, который заходил сюда до вас, не из вашего рода, племени или как у вас называется.

– А вы называйте его и его народ гоблинами.

– Но ведь гоблины, судя по книжкам, большие.

– Да какая вам разница. У вас же тоже есть люди и высокие, и низкие.

– Правильно. К тому же у нас, как и у вас, тоже слишком часто воюют. Судя по тому, что я увидел, у вас сейчас неспокойно.

– Да. Но к вам это не имеет никакого отношения. По отношению к вам обеими сторонами было принято соглашение о запрещении агрессивных действий, а только помощь в ответ на вашу бескорыстную помощь нашим раненым.

– Естественно, я же не мог их бросить умирать. Я ведь тоже военный, хотя и на пенсии. Кстати, а кто вы? Ведь ни те, ни другие солдаты не могли говорить со мной. А вы рядом и даже разговариваете со мною по-русски.

– Мы – немногие из тех, кому разрешено общаться с большими людьми. Если мы будем называть ваш род таким образом, вам не будет обидно?

– Так – нет. А то слово “биг фут“ вызывает ассоциацию с диким лохматым зверем и так далее.

– Хорошо. Нас можете называть Маша и Даша. Не улыбайтесь. Нам приходится изучать вас. Естественно, что у нас другие имена, которые, возможно, вы когда-нибудь и узнаете. Да и произносятся они несколько трудновато без привычки вашим языком.

– Добро. Я не против. Тогда еще вопрос: зачем вы здесь и почему именно вы?

– Мы – медицинские работники. Это мы вам обработали раны и перевязали.

– Это вы меня раздевали и укладывали в постель?

– Ну, не только мы. Нам помогал еще и тот мужчина, как вы соизволили выразиться. Он любит, когда его называют Гамбриниус, хотя его настоящее имя совсем другое. Но среди людей он известен под этим именем. И хоть он и из гоблинов, надо отдать должное, он великолепный врачеватель. Мы специально попросили гоблинов, чтобы они прислали к вам именно его.

– Скажите, а ваше руководство – короли или как вы их там называете, не боятся, что я могу выдать вашу тайну?

– Во-первых, тайны, как таковой, уже много сотен лет не существует. Вы же слышали слова гоблин, фея. У вас написано много книг про нас. И хотя многое в них не соответствует истине, мы, все равно, знаем, что это про нас. Во-вторых, вы фактически ничего о нас не знаете. Верно? Что-то видели и все. Кто вам поверит. Ну, расскажите еще одну сказку про нас. Пусть она будет достоверной, но кто это знает. Сказка всегда сказка. В-третьих, к нам в дома вы при всем желании не попадете, извините, не тот размерчик. А теперь, господин, мы должны удалиться, так как наступает черед Гамбриниуса. Кстати, рекомендуем употреблять все, что он будет вам давать есть и пить. В этом отношении вам очень повезло.

– А что он может дать мне пить?

– Например, специальный отвар.

– Почему специальный?

– Хм. Вас же поранили мечи, на которых была и кровь гоблинов, и кровь эльфов. Вы представляете? Обычная инфекция вызывает массу неприятностей в организме, а тут кровь двух посторонних и столь разных народов. Еще неизвестно, как это отразится на вас. Нам и самим интересно. Ой, простите, пожалуйста.

– Да ничего. К тому же я сам виноват. Если бы я не оказался подопытным кроликом, мне и самому было бы интересно. А так остается только ждать да надеяться на вашего Гамбриниуса.

– Он не наш. Он – гоблин.

– Час от часу не легче.

– Это почему же, молодой человек?!– Услышал я громкий голос того, кто и занимался моим лечением – Гамбриниуса. Язык мой – враг мой. Ляпнул языком, не подозревая, что меня могут услышать, и обидел этим человека, хоть и гоблина, который меня же и лечил.

– О, уважаемый Гамбриниус, вы меня не правильно поняли. Я хотел сказать, что вероятность такого заражения крови меня удручает, но ваши коллеги только что рассказали мне о том, что вы непревзойденный целитель и пользуетесь заслуженным уважением и славой у обоих народов – у вашего и ихнего.

– Никакие они мне не коллеги.– Заметно подобревшим голосом ответил он мне.– Эти козявки только учатся, и их заслуга только в том, что они умеют говорить на вашем языке, да чуть-чуть сведущи в приготовлении отваров.

Я посмотрел на эльфов (или эльфиек?). Они кипели от возмущения, но молчали. То ли нервы у них были хорошие, то ли из-за уважения. Всем известно, что у всех гениальных людей свой бзик, и с ним приходится мириться.

– Мы лучше пойдем.– Одновременно сказали Маша и Даша и вышли под аккомпанемент сердитого ворчания Гамбриниуса, хотя выражение и блеск его глаз говорили, что это в целом добродушный и даже с чувством юмора, старикашка. Хоть и гоблин. Ну, что ж, у всех свои недостатки. После того, как дверь закрылась, он повернулся ко мне.

– Ну-тес, я смотрю, что выбранный способ и методы лечения уже дают свои результаты. Я рад за вас, господин.

– Помилуйте, какой же я вам господин.

– Как какой? Самый настоящий, утвержденный на общем совете. После того, что сделали вы, после восстановления равновесия, все единогласно проголосовали за присвоение вам этого звания. Сейчас поясню: на нашем языке, для простоты будем между нами называть нас гоблинами, хотя это далеко не так, но пусть условно будет так, это звание звучит, конечно, по-другому. На языке эльфов, условных эльфов, а их речь напоминает мне звон хрустального колокольчика в ночном лесу или звон падающих снежинок тихим вечером, звучит совсем по-другому. Точно так же, как в Англии называют сэра, а в Германии – герр. В России принято слово господин, хотя есть и некоторые другие, типа сиятельство, превосходительство, но все равно, в их основе лежит слово господин.

– А что ж такого сделал я, если удостоился такой чести, что обо мне вспоминали на совете, да, к тому же, на общем?

– Вы вернули миру равновесие. Не больше и не меньше. Злость, зависть, наговоры и прочее затуманили головы наших народов. На них нашло какое-то затмение. Как – будто попали в какое-то ядовитое облако, где слова доброта, прощение, жалость вообще не существуют. А ваш поступок был подобен солнцу, выглянувшему из-за тучи и растопившему своими лучами это облако. Стоило только одному на совете сказать это, как все вскочили, начали кричать, радоваться, обниматься. О войне все забыли. Ведь в этот день должно было свершиться генеральное сражение. Вы вмешались в битву в самом начале, когда передовой отряд гоблинов попал в засаду и был уничтожен. Но, все равно, к месту битвы стекались с обеих сторон огромные армии. Может быть, вы почувствовали, как среагировала природа на скопление в одном месте такого количества наших народов. И, если бы началась битва, и во время боя мы перемешались, то начался бы невиданный ураган. Он снес бы многие ваши города, хоть они сделаны из бетона. А что творилось бы вокруг самого поля – вообще трудно представить, даже невозможно. Но вы своим поступком спутали карты тем, кто это устраивал. Во всем происходящем ваш поступок был так нелеп, неординарен, что командиры сбились с того, что надо делать и зачем. Мы были вынуждены сесть за стол переговоров, где и прозрели или очнулись. Вот так. И хотя на Избранного вы совсем не похожи, тем не менее, вы совершили поступок, приравненный к подвигу избранного.

– Да-а. Если честно, то я даже и не предполагал таких последствий, хотя бы потому, что не предполагал о вашем существовании. Обычно в таких случаях говорят: на моем месте так поступил бы каждый.

– Но поступили вы, а не ваш товарищ, с которым вы шли.

– Вы и это знаете?!

– Конечно. Нам надо было узнать о вас побольше, чтобы принять решение.

– Жить или не жить. Вот в чем вопрос.

– Увы, да. Но и не только жить или не жить, но и доверять или не доверять – это лежало в первооснове.

– То есть, если не доверять, то и не жить.

– Ну, ... возможно сказать и так, хотя ...

– Слушайте, мы взрослые люди. У нас – людей для того, чтобы скрыть какой-то госсекрет могут убрать и не одного человека. Нет человека – нет проблем. Так учил еще сам товарищ Сталин.

– Увы, увы. В вашей Библии было хорошо написано: « Кто сам безгрешен, тот пусть первый бросит в нее камень ».

– Во-во.

– Да, поэтому мы проверили вас по многим вопросам. И, кстати, выяснили, что одна семья – ваши дальние родственники по отцовской линии достаточно долго жили в своем деревянном доме с гоблинами.

– Вах.

– Да, да. А что такого? Они не первые такие.

– А я и не знал этого.

– У нас не любят болтунов. Болтуны долго не живут.

– Намек понял.

Разговаривая со мною, Гамбриниус успел осмотреть мои царапины, смазать их какими-то мазями и заново забинтовать.

– Ну-тес, господин, мое присутствие здесь, как доктора, уже излишне. На вас заживает, как у собаки.

– Господин Гамбриниус, у нас обычно говорят, как на собаке. Хоть суть та же, но нет ассоциации, что тебя называют собакой.

– Если для вас это принципиально, то я учту это в дальнейшем.

– Это, конечно, не смертельно, но... самое главное – большое спасибо за лечение. Жжение, боль прошли. Чешется, значит, заживает.

– Правильно. Я рад, что вы довольны лечением. Я так и доложу на совете.

– Обязательно. Передайте, пожалуйста, им мою благодарность в том числе.

– С удовольствием. А теперь хочу откланяться, но, напоследок, последний инструктаж: повязку завтра утром снять. Еще сутки постарайтесь поменьше потеть и почаще омывайтесь водой, душ и так далее. Все понятно?

– Предельно.

– Тогда я забираю Машу и Дашу и ухожу.

– А проститься? Как же даже до свидания не сказать. Они же перевязывали меня.

– Ничего. Это их работа. Пока не вставайте. Сейчас вам захочется спать. Проснетесь утром. Спать. Спать.

Мне действительно захотелось спать, и я прилег на подушку. Я проснулся от того, что солнышко щекотало мне нос своим лучиком – это первая и главная особенность моего пребывания на даче. Я чихнул и проснулся. Как все-таки здорово просыпаться на даче, прочем самому без будильника. На чердаке ворковали голуби. Под полом что-то шуршало – коре всего мыши. Хорошо, но вставать надо. Усевшись на постели, я снял бинты. Осмотрел себя. Великолпно. Маленькие шрамики, но пару раз обгоришь на солнышке, облезешь, и ничего не останется. Гамбриниус свое дело знает. Бодрый душой и телом я вышел на крыльцо. Благодарь. Много ли человеку для счастья надо. Нет, не много, но перечислять не буду, так как навряд ли хватит пары листов. Когда у меня хорошее настроение, мне хочется что-то делать. Вот есть у меня такой недостаток. Мне говорили: “ляж, поспи и все пройдет”. Пробовал. Не помогает. Тем более у меня с осени малина не приведена в должное состояние. Не успел. Сейчас клубника отойдет, малина подойдет. А я малину люблю, и она меня любит, так как никогда не царапает,

когда я собираю ее ягоды. Хоть в одних трусах туда иди, хоть руку в самую гущу засовывай – не поцарапает. Что не скажешь о других, скажем так, хозяевах нашего сада. Секатор и перчатки в кладовке рядом с малиной, так что никаких проблем. Вот, что я не люблю, и даже органически не перевариваю, фигурально выражаясь, естественно, так это колорадских жуков и все виды, типы и семейства колючих сорняков. Мимо не пройду пока не убью, раздавлю, вырву и так далее. Хоть по всему саду перчатки раскладывай. Старый секатор лучше партизанам отдать: не отрежет, но измочалит и пережует. Зато новый – гроза веточек, пасынков и другой не нужной мне растительности. Прореживать малину – вещь, конечно, благодарная, по крайней мере, со стороны малины, но уж дюже муторная и спина болит потом. Поработал минут двадцать и чувствую, а может, увидел боковым зрением (оно более “острое”), что рядом кто-то есть. Честно сказать – легкий испуг был. Бывает, мышшь из норки спугнешь, или еще что, но здесь было что-то большое, как заяц или собака. Чуть замедлив движения, слегка повернул голову, чтобы посмотреть на того и то, что так нахально стоит со мною, меня пугает и мне не помогает. Да еще и подходит незаметно. Я бы сказал – подкрался. Не люблю я этого. Хотя мои домоладцы иногда меня пугаются по причине моей тихоходности. Тихоходность – от слова тихо, то есть беззвучно, а не от слова медленно. Вах! Ек макарек! Да это же гоблин, но карапузик! Гамбриниус чуть ли не на голову выше его. И как он умудряется скрываться от прозорливых соседских кошек и собак?

- Привет.– Сказал я, не ожидая ответа, а так – лишь бы что сказать.
- Привет.– Ответил он мне. На что я просто опешил.
- Е-мое! А ты, что тоже по-русски говоришь?
- Конечно. Все из рода Гамбриниусов говорят на человеческих языках.
- То есть не только по-русски, но и на других языках?
- Да. К вам в город приезжают иностранцы, и мы должны знать, о чем они говорят.
- Шпионить что ли?
- Нет. Держать ситуацию под контролем. И только. Мы собираем информацию, но ею не делимся, так как мы не можем вмешиваться в вашу человеческую жизнь.
- Логично. Хотя жаль.
- Жалость эта от недопонимания.
- Согласен. Ну, а сам-то ты кто будешь?
- Маркос. Праправнук Гамбриниуса.
- Пра-пра
- Да. Именно пра-пра. Но он мне, говоря вашим языком, двоюродный дед. А мой дед моложе Гамбриниуса.
- А, что Гамбриниус самый старший в вашем роду?
- Нет, но самый мудрый. Такой уж он уродился. Поэтому все к нему прислушиваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.